

А. Я. Живой

Снегопад

Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

Алексей Живой

Снегопад

Рассказ

Ивану Кузьмичу, как и всем пенсионерам, спалось плохо. Он ворочался с боку на бок, о чем-то мычал во сне, кого-то ловил, хватал, а потом начинали ловить его.

Проснувшись после очередной погони, где его преследовала какая-то кошмарная лошадь с белоснежными зубами и «Беломором» во рту, Кузьмич неожиданно поразился необычайному сходству этой кобылы с его покойной женой Клавдией Ивановной. Разница состояла лишь в том, что у Клавдии Ивановны зубов почти не было, в остальном же все совпадало. Лошадь даже откуда-то узнала любимую поговорку Клавдии Ивановны «Ох, Ванюша, чтобы ты без меня делал?» и повторяла ее все время, ласково прижимаясь своей волосатой губой то к левой, то к правой щеке Ивана Кузьмича.

Пенсионер сел на кровать и обхватил голову руками. Захотелось курить. Он пошарил на тумбочке, но пачка оказалась пустой. Вторая лежала на кухонном подоконнике. Пришлось идти курить на кухню. По дороге Кузьмич вспомнил дельный совет: если сняться всякие гадости, надо посмотреть в окно. Он взял пачку, открыл дверь и вышел на балкон.

Ночь была не особо холодной, но звезд на небе оказалось довольно много. Они рассыпались в полном беспорядке и перемигивались между собой, как старые знакомые. В этой звездной мешанине Иван Кузьмич решил отыскать Большую Медведицу. Но, как не старался, не мог ее найти. Попадались какие-то Лебеди, Утки, Зайцы, даже созвездие Маленького Бегемота отыскал он, но вот Медведицы все не было.

Иван Кузьмич вздохнул и медленно затянулся. Сложив из губ почти ровную окружность, он выпустил пару колец густого дыма. Кольца далеко не полетели, а застыли тут же в морозном воздухе, и распасться явно не собирались. Нисколько не удивившись этому, Иван Кузьмич снова обратил свой взор в звездную даль.

Неожиданно неподалеку послышалось тихое сопение, после чего низкий прокуренный голос вкрадчиво произнес:

– Да ты не горюй Кузьмич, она сейчас спит. Ты ведь знаешь, медведи спать любят.

Рядом с пенсионером стояла и улыбалась та самая кошмарная лошадь. Только теперь по причине прохладной погоды на голове у нее красовалась ушанка, а шея была замотана белым пуховым платком. Иван Кузьмич робко перевел взгляд пониже. Ноги благородного животного красовались в огромных валенках воронежского пошива. Выдержав паузу, лошадь посмотрела куда-то в сторону и спросила:

– Хочешь, Ванюша, свожу тебя к ней?

– Хочу, – почему-то сразу согласился Кузьмич, а сам подумал «Сплю я, что ли?».

Он снова осторожно взглянул на лошадь. Та стояла на месте, переминаясь с ноги на ногу. Пенсионер перевел взгляд на далекие холодные звезды.

– А может и правда, трянуть стариной? – заколебался Иван Кузьмич.

– Слушай дедушка, – вежливо попросила лошадь, – шевели извилинами побыстрее, я ведь и околеть могу.

И Кузьмич пошевелил. Он схватил лошадь за гриву и с третьей попытки лихо взобрался на нее. Причем под ним сразу же образовалось роскошное расшитое золотом детское одеяло, заменившее ему седло. Одеялом всадник остался доволен.

По старой кавалерийской привычке Кузьмич поддал лошадь пятками по впалым бокам.

Лошадь упала. Вывернув шею назад, она посмотрела на Ивана Кузьмича и спросила:

– Что же ты, Уважаемый, над животным и измываешься?

Кузьмич ужасно сконфузился, попросил прощения и пообещал больше так не делать.

...Неожиданно повалил мокрый снег. Небо вокруг приобрело туманный оттенок и размокло. Кузьмич пожалел, что не взял с собой теплый ватник: теперь ему все время приходилось прятаться от встречного ветра за шею благородного животного.

Лошадь шла неторопливым аллюром. Ночной воздух немного оттаял, и теперь ее подкованные валенки не вышибали из него стайки льдинок.

Сидя на широкой лошадиной спине и прижав ладонь ко лбу наподобие бинокля, Кузьмич обзирал окрестности. Мимо неторопливо проплывали отдельные звездочки и целые звездные скопления. Правда, из-за налетевшей непогоды видимость намного ухудшилась, но на расстоянии нескольких десятков световых лет все различалось довольно ясно. А посмотреть было на что.

Казалось, что пространство вокруг Ивана Кузьмича наполнено движением. Везде что-то летало, кружилось, прыгало, чавкало, сопело и чихало. «Врут ученые, – подумал мимоходом пенсионер, – космос не пустыня».

Сверху донеслась какая-то возня. И, Кузьмич, подняв голову, увидел двух ангелочков, постигавших искусство воздушного боя. Один из них прикинулся аэропланом и задира л другого, отдаленно напоминавшего тяжелый бомбардировщик. Последнему надоели навязчивые приставания наглой этажерки и он, сделав петлю Нестерова, попытался уйти от преследования. Но, не успев выйти из глубокого пике, врезался в торчавший неподалеку телеграфный столб, рухнув где-то в пустынном районе черных дыр, между пятой и шестой звездой галактики лесорубов.

Иван Кузьмич продолжал свой путь и через полчаса был уже на подходе к Сатурну, когда впереди показалась пышная кавалькада.

Впереди ехал конный авангард, а за ним, погромыхая деревянными колесами, тащилась раззолоченная карета, из глубин которой доносилось нестройное пение. На крыше, свесив ноги в начищенных до блеска сапогах, сидел гусар в синем ментике и передергивал струны гитары в такт песне.

«Наш паровоз вперед летит...» – пел гусар хриплым басом, и, время от времени, прикладывался к бутылке венгерского. «Родина моя, Белоруссия», – подтягивали ему из кареты.

Кузьмич попытался проехать мимо незамеченным, но гусар окликнул его, предложив выпить. К тому времени звездный странник уже окончательно замерз и от выпивки отказаться не смог. Всадник медленно приблизился к карете и залез на крышу, сев рядом с гусаром. Оставшись без седока, лошадь Ивана Кузьмича сразу положила свою морду гусару на колени, закрыла глаза и подхалимски помурлыкала, после чего попросила у него закурить. Гусар достал из кармана штанов мятую пачку «Стюардессы» и угостил.

– Надолго вы сюда? – поинтересовался он у Ивана Кузьмича, давая лошади прикурить.

– Как бог на душу положит, – прокашлял тот.

– Да, этот может, – посочувствовал ему гусар и стал снимать сапоги. Но в этот момент его окликнули из кареты нежным женским голосом.

– Поручик, идите к нам!!!

Гусар извинился, залпом осушил бутылку и полез внутрь.

А Кузьмич остался сидеть на крыше в одиночестве. Свесив ноги, он посмотрел вниз и попытался разыскать там Землю. Разглядев, занялся поисками своего девятиэтажного дома и балкона, который он позабыл закрыть.

– Снегу за ночь наметет, – огорчился Кузьмич, но тут же вспомнил, что он, вероятнее всего спит, и поэтому снегу наместить никак не может. Но на душе все равно было беспокойно.

Карета неожиданно громыхнула. Затем вообще остановилась, наклонившись на бок. От

нее отвалилось колесо и покотившись куда-то к Юпитеру. Из распахнувшейся дверцы выскочил гусар и побежал его догонять, крича что-то на ходу и размахивая руками. Иван Кузьмич остался сидеть на покосившейся карете, а снег все падал и падал...

О многом задумался Иван Кузьмич, многое вспомнилось ему. Всплыла вдруг из памяти встала перед ним жена его, Клавдия Ивановна. Любил ли ее Иван Кузьмич? Не из-за него ли сошла в могилу так рано? А может оттого, что не любил, а притворялся и сошла? И вообще, любил ли Иван Кузьмич кого-нибудь? Хотя нет, лошадей любил. А не Клавдия ли Ивановна и явилась к нему теперь в образе лошади?

Кузьмич внимательно посмотрел на животное. Лошадь мирно посапывала в такт падающим снежинкам, прикрыв глаза и попыхивая тлеющей в зубах сигаретой. Снежинки, падая на ее морду, тут же таяли и, время от времени, стекали холодными ручейками. Иван Кузьмич отогнал от себя неприятные мысли и сказал кобыле:

– Ну, милая, поехали к дому, нагулялись мы с тобой.

Пенсионер снова перебрался в седло. Лошадь встрепенулась и с места взяла в галоп. Мимо замелькали звезды, а потом и вовсе слились в сплошные белые линии. От такой бешеной скачки у Ивана Кузьмича захватило дух, он закрыл глаза и вцепился в гриву мертвой хваткой.

Когда через час он снова открыл глаза, то обнаружил, что они уже пролетают мимо спящей Медведицы. Ни о чем, не догадываясь, Медведица лежала на боку и во сне сосала лапу. Видимо, ей снилось что-то хорошее, так как она время от времени время от времени улыбалась сновидениям. «Наверное, он снится себе маленьким медвежонком», – почему-то подумал Иван Кузьмич и еще крепче ухватился за гриву.

Впереди показались перистые облака, почти полностью укутавшие голубую планету. «Скоро дома будем», обрадовался пенсионер-кавалерист. На всем скаку они подлетели к балкону. Едва начинало светать.

Кузьмич слез с лошади, потоптался немного на балконе и толкнул дверь. На кухне снега не было.

– Ну, ты заходи еще, погуляем, – сказал он и вошел в квартиру.

* * *

Лошадь уже давно перебралась к Ивану Кузьмичу. В большой комнате он устроил для нее конюшню. Сам смастерил деревянные ясли и даже украсил их инкрустацией. Сено, правда, приходилось возить из-за города, но зато теперь вместо купания в широкой и чистой реке, лошадь охотно принимала ванну.

По вечерам они часто засиживались на кухне. На небо выбирались теперь довольно редко. Лишь когда дела по хозяйству немного отпускали Кузьмича. Да и звезды теперь стали не те, потускнели, поосыпались. Но, все-таки время от времени им удавалось проскакать по отдаленным системам лихим галопом, попугать ленивых ангелочков или погоняться за какой-нибудь одичавшей кометой. Однако, со временем, лошадь постарела, да и Иван Кузьмич разменял восьмой десяток, поэтому их стали чаще замечать просто на крышах.

Иван Кузьмич все больше любил прогуливать лошадь вдоль проспекта Просвещения, да изредка по Гражданке. Но бывали дни, когда они уходили на самую окраину и бродили там по тихим малоизвестным улицам.

Вдыхая звездный аромат длинных ночей, любили они сидеть на самом краю крыш, курить и наблюдать за проезжавшими внизу машинам. В такие минуты они не разговаривали друг с другом. Бог знает, о чем думала лошадь, тихо посапывая в сладкой полудреме, но Иван Кузьмич обретал душевный покой, ни с чем не сравнимый и ранее ему не ведомый.